

НЕУВЯДАЕМОЕ ИСКУССТВО

Горьковская драматургия на сцене Ярославского театра

В ОКРУГ нас закипает жизнь, пробуждается новое сознание, нарождается новый человек... Он требует ответа на коренные вопросы жизни и духа, он хочет знать, где правда и справедливость, где искать друзей и кто враг», — писал Алексей Максимович Горький в 1899 году накануне своего вступления на путь драматурга.

Где искать друзей и кто враг? Где же правда? Вот вопросы, без понимания которых писатель, утверждал Горький, не вправе называть себя писателем. Горький признавался, что его носит по земле вихрь сомнений и что без разрешения этих сомнений он не в состоянии жить.

Приход Горького в театр был вызван тем, что драматургия по своему характеру столкновения, конфликта с противником поощряла писателя ставить «коренные вопросы жизни и духа». Страстное размышление над этими вопросами составляет ведущую черту его драматургии. Не случайно в эпоху перед первой русской революцией Горький пишет исключительно пьесы. Он сам чувствует себя участником закипающей жизни. Самые названия его пьес — «Мещане», «Дачники», «Дети солнца», «Варвары», «Последние» — носят характер атакующий, разоблачающий, памфлетный. Афиши с подобными названиями казались революционными прокламациями, подписанными Максимом Горьким.

Ярославцы, знакомые с творчеством Горького-прозаика, и в пьесах его ощутили глубину социального конфликта, смелость в обнажении противоречий действительности. Горьковская драматургия врывается в жизнь властно, все острее заявляя о себе.

Полиция была начеку: на каждом спектакле можно было ожидать революционных выступлений и манифестаций. Атмосфера на горьковских спектаклях была накаленной. «Присутствовавшие держали себя крайне вызывающе», — подчеркивает рецензент спектакля «Варвары».

В декабре 1905 года революционное движение в Ярославле достигло наивысшего подъема. 9 декабря demonstra-

ция ярославских рабочих была зверски расстреляна казаками. Дикая расправа вызвала взрыв возмущения и новую волну забастовок. В знак протеста театр отменил спектакли. А через несколько дней на улицах города вновь появились афиши. «На дне» М. Горького! «Человек — это звучит гордо!» — страстно утверждал театр. Присущая самой природе театра злободневность обрела невиданную ранее боевую силу.

В эти годы на ярославской сцене были поставлены почти все пьесы Горького, включая и инсценировку «Фома Гордеев и Маякин». Интересно, что в сентябре 1917 года в Ярославле идут «Враги» (обычно сценическую историю этой пьесы связывают с советским временем). «Враги», где приведенные на допрос рабочие держались тесной, сплоченной группой. Казалось, грозная сила нависала над судьями в этом эпизоде.

Театр шел в ногу со временем. Именно горьковской драматургией заявил он о себе в предреволюционные годы.

ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ постановками горьковских пьес волковцы вписали немало славных страниц в историю советского театра. На долю театра имени Ф. Г. Волкова выпало счастье пережить новое рождение полузабытых пьес «Старик», «Сомов и другие». В Ярославле работали режиссеры, влюбленные в творчество Горького, — И. А. Ростовцев и П. П. Васильев. Они встретились с замечательной плеядой актеров — А. Д. Чудиновой, Г. А. Беловым, С. Д. Ромодановым, О. Д. Ивановой, В. С. Нельским и другими, которые без драматургии Горького, кажется, и не мыслили себя на сцене.

Страстный поборник и неутомимый пропагандист горьковской драматургии, Иван Алексеевич Ростовцев поставил на ярославской сцене (30—40 годы) почти все пьесы великого писателя. Режиссер любил повторять: «Будь с Максимом Горьким, да благо тебе будет». В те годы многие периферийные театры ставили Горького «житейски», снижали их

страстное звучание до простого, бытового, а порой философские драмы звучали не по-горьковски интимно и лирично. Ломая сложившиеся театральные каноны, Ростовцев вел актеров к тому, чтобы будоражить мысль зрителя. «У Ростовцева Горький — это всегда борьба, битва», — вспоминал народный артист СССР Г. А. Белов. — В тридцатые годы было распространено мнение, будто горьковская драматургия не сценична. А мы читали горьковские пьесы и волновались. Волновались именно потому, что они и сценичны, и современны. Смело, беспощадно разоблачал Ростовцев мещанство! В последнем акте спектакля он заставил действующих лиц говорить не друг за другом, как у Горького, а всех вместе, разом... Мы, сначала подумали — не поймет зритель этого. Но опасения оказались напрасными. Зрители увидели на сцене самый неприкрытый махровый мещанский скандал! «Мещане» явились одной из лучших режиссерских работ Ростовцева. По мысли режиссера, спектакль должен был высмеять врага-мещанина, который «еще силен у нас и в нас, только трусливо по углам притаился». «Своей постановкой «Мещан» сегодня», — писал И. А. Ростовцев, — мы, зло смеясь, резко отрицаем быль прошлого и утверждаем жизнь новую, истребляем острым смехом «кротов и ужей» с их слепой и грязной жизнью и буйно поем песню «людям-соколам», любящим жизнь и строящим ее по-новому».

Выдающейся режиссерской работой Ростовцева был спектакль «Старик». Шел 1943 год, и театр читал горьковскую пьесу с особых позиций, разоблачая человеконенавистнические идеи.

Изборожденное резкими складками, заросшее лицо, стеклянный блеск сверлящего взгляда из под всклокоченных бровей, змеиная улыбка, хищное подергивание пальцев — таким запомнили ярославцы Старика — П. Гайдебурова. Его грузная сутулая фигура как бы опутывала окружающих железной паутиной страха и страдания. Особое наслаждение испытывал Старик-Гайдебуров не от гибели жертвы, а от ее мучений. Изуверски мучить людей, растаптывать их достоинство — вот в чем видел он смысл своего существования. Актерская работа П. Гайдебурова была прицельным огнем по звериной идеологии германского фашизма. Спектакль нес в себе пафос борьбы с реакционной философией смирения, ханжества, страдания. «Будьте бдительны, люди!» — писал Гайдебуров по поводу своего замысла образа.

При жизни И. А. Ростовцева в театре имени Волкова обрели живое звучание «Чудаки» Горького, шли репетиции

«Дачников», с подлинно горьковским размахом и силой был вылеплен артисткой О. Д. Ивановой образ Вассы Железновой.

Силу горьковских традиций в театре показал и спектакль «Егор Булычов и другие».

«Мой Булычов — философ», — рассказывает народный артист РСФСР С. Д. Ромоданов. — Он сознает, что сделанное им погибнет, пойдет прахом, но революцию считает спасением страны. «Не на ту улицу попал» — вот где его трагедия. Я Булычова делал контрастно, резкими мазками. Страсть так страсть! Любовь так любовь! А ненависть — испепеляющая. С мстительным наслаждением разоблачал Булычов — Ромоданов ложь вокруг себя. Беспощадно срывая маски с окружающих, он видел, как ненавистна правда этим хранителям устоев лживого и гнилого мира. Вот Булычов ожесточенно бросает вслед игуменье ее «сановный» посох, вот с озорством волжского плотовщика хватает за ярясу «святого» Павлина, а в сцене с трубочем, вскочив на стол, «трубит» миру свой приговор. И совсем иным становится этот человек, оставшись наедине с дочерью Шуркой. Речь его становится душевной и проникновенной. Лишь для нее да горничной Глафиры находит он искренние, ласковые слова. В спектакле развертывалась трагедия человека сильного, незаурядного, впустую растратившего жизнь, осознавшего ее горестный итог.

Театр и в дальнейшем проявлял смелую инициативу в постановке горьковских драм. Подобно тому, как в 1943 году волковцы «воскресли» к жизни «Старика», в 1953 году они «открыли» еще одну горьковскую пьесу, обогатив ею советский театральный репертуар. Это была пьеса «Сомов и другие», котсрая вскоре после ярославской премьеры получила путевку в сценическую жизнь. «Сомовым» Горький продолжал разоблачение интеллигенции, которая оторвалась от демократических идеалов прошлого. В образах Сомова и других легко видеть прямых наследников и продолжателей «дачников» и «варваров». Как известно, пьеса написана по следам нашумевшего в свое время шахтинского процесса и процесса «Промпартии». Бывшие «дачники», «варвары» — теперь контрреволюционные последыши буржуазной интеллигенции. «Сомова» приняли к постановке тогда, когда дело «Промпартии» обрело уже двадцатилетнюю давность. Как же прочел пьесу режиссер П. П. Васильев?

(Окончание на 4-й стр.)

27 июля 1950
Ярославль